

0-759688

На правах рукописи

Ман

Манохин Дмитрий Константинович

**ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Белгород 2006

**Работа выполнена на кафедре философии
Белгородского государственного университета**

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор Кротков Евгений Алексеевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, доцент Юрков Сергей Евгеньевич

кандидат философских наук, доцент Гибелев Игорь Владимирович

Ведущая организация:

Белгородский государственный институт культуры и искусств

Защита состоится 30 ноября 2006 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.015.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Белгородском государственном университете (308008 г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «27» октября 2006 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

доктор философских наук, доцент

С. М. Климова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Художественная литература представляет собой сложный культурный феномен. Как область культуры литература является формой рефлексии и репрезентации предельно широкого и разнородного комплекса культурных смыслов, норм и ценностей (психологических, социальных, языковых). Вследствие этого литературоведение должно учитывать и систематизировать достижения всех социально-гуманитарных наук. В этой связи организация литературоведческого дискурса во многом изоморфна культурологии как интегративной области знания о феномене культуры в целом. Подобная модель характерна также для философии культуры и культурантропологии. Однако если последние в определенной степени отрефлексированы как предпосылки/прототипы культурологического дискурса, то филологические концепции и сама природа соотношения литературоведения и культурологии не становились специальным предметом изучения в рамках методологии культурологических исследований. Тем не менее, преимущественно в литературоведении сформировалось семиотическое и герменевтическое понимание природы художественной литературы, коррелятивное концепции специфического объекта культурологического дискурса – «культурного текста».

Также следует отметить, что в современной культурологии сложилась непростая ситуация, суть которой заключается в проблемном характере культурологического исследования, обусловленном гетерогенностью дискурса и плюрализмом методологических подходов к изучению феномена культуры. Сходная ситуация показательна и для науки о литературе. В современном литературоведении существует множество различных течений и школ, вступающих в скрытую либо явную конфронтацию. Появляются новые методологические подходы, которые далеко не всегда вытесняют устоявшиеся концепции и тем самым придают ситуации еще большую остроту. Все это обуславливает актуальность задачи осмысления особенностей литературоведческого типа научного исследования и причин его полипарадигмальности, разработки классификации теоретико-методологических подходов, поиска возможностей и условий непротиворечивой и продуктивной совместимости различных парадигм в изучении одних и тех же художественных текстов, артикуляции критериев появления и легитимации исследовательских программ.

Сказанное позволяет предполагать, что прояснение специфики полипарадигмальной формы литературоведческого познания будет способствовать лучшему пониманию природы ситуации, сложившейся в современной культурологии. Этим и обусловлена актуальность философско-культурологической интерпретации теоретико-методологических проблем литературоведения.

Степень разработанности проблемы. Художественная литература как специфическая область культуры и общие вопросы языка искусства

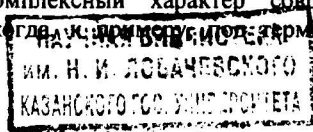
рассматривались в трудах культурфилософов Г.-Г. Гадамера, Ж. Деррида, К.Г. Юнга, М. Хайдеггера, Х. Ортеги-и-Гассета, А.Ф. Лосева, М.К. Петрова, Ж. Маритена, Г. Марселя, В. Вейдле, культурологов И.В. Кондакова, О.А. Кривцуна, А.Я. Флиера, Е.В. Толпыкина, Л.Н. Шевченко, Л.В. Корсаковой, литературоведов-культурологов М.М. Бахтина, О.М. Фрейденберг, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, С.С. Аверинцева, Д.С. Лихачева, В.Н. Топорова.

Теоретико-методологические проблемы современной культурологии и природа ее взаимосвязей с блоком социально-гуманитарных дисциплин становились предметом изучения в работах А.А. Хагурова, В.М. Розина, В.П. Гриценко, А.А. Оганова, И.Т. Хангельдиевой, И.И. Горловой, В.И. Ляха, И.В. Кондакова, Дж. Каллера. Непроясненность соотношения культурологии и литературоведения в трудах названных ученых (за исключением концепции Дж. Каллера) указывает на необходимость экспликации специфики данного соотношения в нашей работе.

Понятие парадигмы научного исследования освещалось в работах Т.Куна, К.Поппера, В.С. Черняка, В.П. Руднева. Неопределенность этого понятия в книге Т. Куна «Структура научных революций» и недостаточное внимание к куновскому автокомментарии («Дополнение 1969 года») со стороны указанных ученых объясняют нашу попытку уточнить значение термина «парадигма» в контексте литературоведческого дискурса.

Проблема парадигмального характера гуманитарного познания рассматривалась в исследованиях Е.С. Кубряковой и Т.Ф. Кузнецовой. Е.С.Кубрякова проецирует концепцию «научных революций» Т. Куна на область лингвистики и получает в итоге стройную теорию смены лингвистических парадигм, которая, тем не менее, не является в достаточной мере продуктивной для выявления особенностей современного литературоведения. Мы не исключаем возможности экспликации специфики литературоведческого познания в контексте куновской теории, однако такой подход сужает поле конститутивных проблем литературоведения, прояснение многих из которых составляет одну из основных задач нашего исследования. С другой стороны, Е.С. Кубрякова своим видением парадигмы как многокомпонентного образования предвосхитила некоторые из наших выводов относительно данного концепта. Многокомпонентного характера парадигмы касается в своей работе и Т.Ф. Кузнецова, и для нас важным является ее замечание о необходимости выявления функций философии в построении литературоведческих теорий, хотя соотношение философии и литературоведения истолковывается нами в несколько ином ключе.

Теоретико-методологические проблемы гуманитарных наук и современной философии становились предметом изучения в работах Н.С. Автономовой, Н.Б. Маньковской, Л.И. Филиппова, В.М. Розина, Е.Н. Ищенко, Д.А. Силичева. Наиболее ценным в работах названных ученых является рассмотрение современных философских концепций, оказавших влияние на создание новых типов литературоведческих исследований, а также указание на комплексный характер современного социально-гуманитарного знания, когда, как правило, используется термин «структурализм»

скрывается системное образование, интегрирующее подходы и методы различных по объекту своего исследования наук.

Непосредственно к вопросам теории и методологии литературоведения обращались Г.К. Косиков (проблемы перехода от структуралистской к постструктуралистской методологии), И.П. Ильин (деконструктивизм, нарратология, постструктурализм), А.В. Дранов (рецептивная эстетика), Е.А. Цурганова (герменевтика, «новая критика», феноменология литературы), А.С. Козлов (структурализм, мифологическая критика). Сделанные нами примечания указывают на то, что в работах отмеченных авторов предметом изучения становилась методология отдельных исследовательских парадигм, а не теоретико-методологические аспекты литературоведческого познания в условиях его полипарадигмального характера. Тем не менее, философско-культурологический анализ литературоведения не может обойтись без учета особенностей перечисленных ранее парадигм, что позволяет нам задействовать полученные указанными учеными результаты в ходе диссертационного исследования.

Проблема полипарадигмальности литературоведческого познания поставлена в трудах М.Н. Эпштейна и И.П. Ильина. Однако до сих пор недостаточно прояснены причины указанного феномена, а аргументы позитивного плана относительно идеи полипарадигмальности литературоведческого исследования, столь важные для нашей работы, можно обнаружить лишь у М.Н. Эпштейна.

Вопросы обоснования теоретико-методологических позиций той или иной литературоведческой школы обсуждали и сами литературоведы – М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Р. Якобсон, М.Л. Гаспаров, Д.С. Лихачев, Ю.Кристева, Х. Блум, П. де Ман, Ц. Тодоров, Р. Барт.

Таким образом, анализ научной литературы, посвященной проблемам современного литературоведческого познания, демонстрирует как солидную источниковую базу, так и перспективность разработки вопросов, составляющих предмет нашей работы.

Исходя из этого, **объектом исследования** является литературоведческий дискурс.

Предмет исследования – теоретико-методологические аспекты литературоведческого дискурса на современном этапе его развития, характеризующемся наличием множества гетерогенных методологических концепций.

Цель и задачи исследования. *Цель диссертационной работы – прояснить специфику литературоведческого познания на полипарадигмальной стадии его эволюции, а также эксплицировать теоретико-методологические основания философско-культурологического анализа литературоведческого дискурса.*

Реализация обозначенной цели обусловила постановку и решение следующих задач:

- исследовать соотношение культурологии и литературоведения и обосновать философско-культурологический контекст изучения природы литературоведческого познания;

- уточнить содержание понятия парадигмы применительно к литературоведческому исследованию;

- разработать методологию парадигмального анализа литературоведческого дискурса;

- рассмотреть концептуальные и методологические ориентации литературоведения и на этой основе заявить предварительную классификацию парадигм, выявить специфику возникновения, развития и взаимодействия исследовательских подходов филологии;

- исходя из результатов анализа специфики возникновения, развития и взаимодействия филологических парадигм обосновать положение о полипарадигмальности литературоведческого познания;

- обосновать эффективность метода парадигмального анализа на материале конкретного литературоведческого направления;

- артикулировать фундаментальные проблемы литературоведения и способы их решения.

Теоретико-методологические основы исследования. В работе использовались следующие методы и подходы:

- метод имманентной критики, предполагающий поиск и разрешение противоречий анализируемых в диссертации концепций/систем исходя из собственных предпосылок этих систем;

- компаративный подход – в целях прояснения общего и различий в исследовательских парадигмах литературоведческих школ, анализа их взаимодействия;

- семиотический подход, основанный на понимании языка как знаковой системы, включающей синтаксический, семантический и прагматический аспекты;

- метод деконструкции, переосмысленный в контексте целей и задач философско-культурологической интерпретации литературоведческого дискурса;

- конкретная методология, разработанная в трудах Т. Куна, Е.С. Кубряковой, М.Н. Эпштейна, Дж. Каллера, Г.-Г. Гадамера и других ученых.

Научная новизна диссертационного исследования:

- обоснован философско-культурологический статус рассмотрения теоретико-методологических проблем современной науки о литературе;

- уточнено содержание понятия парадигмы применительно к литературоведческому познанию;

- разработана методология парадигмального анализа литературоведческого дискурса;

- предложена классификация литературоведческих парадигм, выявлены генезис и взаимодействие исследовательских стратегий филологии;

- установлена причина и обоснована продуктивность полипарадигмальности литературоведческого познания;
- на материале деконструктивистского типа филологического исследования построен один из возможных вариантов парадигмальной характеристики конкретного литературоведческого направления;
- артикулированы фундаментальные проблемы литературоведения и способы их решения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Литературоведение является культуроведческой наукой (региональной наукой о культуре), послужившей одним из источников/прототипов собственно культурологии (интегративной области знания, задача которой стать системообразующей основой социально-гуманитарных наук) и характеризующейся наличием теоретико-методологических проблем, релевантных современному культурологическому дискурсу (прежде всего, культурной семантике).

2. Парадигма литературоведческого дискурса - это принятое определенным научным сообществом *многокомпонентное* образование, задающее способ интерпретации объекта исследования и содержащее символические обобщения (схемы), концептуальные модели художественного текста, ценностные ориентации, методологию, круг проблем и классические образцы их решения.

3. Смысловая характеристика компонентов парадигмы, исходя из задачи прояснения специфики литературоведческого познания, позволяет выявить конститутивные особенности филологического исследования: амбивалентное отношение к возможности формализации литературоведческой теории; применение метафор в качестве одного из средств репрезентации моделей художественного текста; сосуществование гетерогенных ценностных критериев; наличие методологического потенциала терминологического компонента исследовательского дискурса; использование классических образцов исследования для создания новых литературоведческих концепций. Уточненное подобным образом понятие парадигмы служит нормативной основой анализа литературоведческого дискурса.

4. На основании концептуальных и методологических ориентаций литературоведения можно выделить три типа возникновения и развития филологических парадигм: 1) ориентация на философскую теорию с одновременным переосмыслением ее онтологии, то есть включением в систему «автор-текст-читатель» (герменевтика и деконструктивизм); 2) ориентация на концептуальный и методологический идеал естественных наук и лингвистики, приводящая к созданию спекулятивной теории антиметафизического характера (структурализм и постструктурализм); 3) ориентация на базовые литературоведческие парадигмы, которые конкретизируются посредством уточнения схемы «автор-текст-читатель» и комбинаторики при создании методологии анализа художественного текста (рецептивная эстетика и нарратология). Взаимодействие между указанными

парадигмами строятся по следующим принципам: взаимной критики и сопутствующей ей самодеконструкции (герменевтика и деконструктивизм); неограниченной пролиферации и конфликтного полилога концепций (смена структурализма постструктурализмом); взаимодополнительности (рецептивная эстетика и нарратология).

5. Специфика возникновения, развития и взаимодействия исследовательских подходов литературоведения указывает на одну из главных причин полипарадигмальности литературоведческого исследования – невозможность обоснования несостоятельности филологических школ вследствие того, что их теоретико-методологические основания репрезентируют принципы и способы перманентной саморефлексии парадигмы.

6. Применение метода парадигмального анализа дает возможность систематизации и спецификации литературоведческих школ любого типа сложности, в том числе, - деконструктивизма. Экспликация его философских оснований, концептуальной модели объекта исследования и методологии позволяет рассматривать деконструктивизм как рационально-критический дискурс, способствующий имманентному прояснению природы художественного текста и развитию литературоведческого познания.

7. Концептуальные и методологические ориентации, формирующиеся в виде установочного звена литературоведческой парадигмы, порождены проблемами соотношения философии, филологии и литературы, научного статуса литературоведения, интерпретации художественного текста. Особенность проблемного соотношения философии, филологии и литературы состоит в изменении (степени и характера) рефлексивности литературоведческого дискурса - в конституировании когнитивных актов, имеющих саморефлексивную направленность. Фундаментальная проблематичность научного статуса литературоведения инициирует его перманентное прояснение в ходе взаимодействия различных филологических направлений и вторичного методологического контроля со стороны литературоведческих школ, имеющих философскую ориентацию. В этом отношении существование множества филологических парадигм в режиме их интерактивной коммуникации является условием статуса литературоведения как научного (рационального) проекта. Суть проблемы интерпретации литературного произведения состоит в том, что художественный дискурс, вследствие особенностей своей формальной организации и специфики современной литературной практики, обуславливает необходимость взаимодополнительного сосуществования и пролиферации исследовательских парадигм литературоведения.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Выводы и положения диссертации могут способствовать пониманию природы современного литературоведческого и культурологического познания, составить теоретико-методологические основания философско-культурологического анализа филологического дискурса, а также наметить перспективы дальнейшего изучения специфики литературоведения и

собственно культурологии. Материалы исследования могут быть использованы в базовых курсах по культурологии и теории литературы, при разработке спецкурсов по проблемам методологии культурологических исследований.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на всероссийских и региональных научных конференциях. По теме диссертации опубликовано 6 научных работ (среди которых статья в журнале, рекомендованном решением Президиума ВАК) общим объемом 3,0 п. л. Часть материалов диссертации подготовлена в рамках проекта «Компаративный анализ исследовательских парадигм филологических наук» по гранту № А 04-1.1-65 Федерального агентства по образованию.

Диссертация обсуждалась и рекомендована к защите на кафедре филологии БелГУ.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении раскрывается актуальность темы исследования, характеризуется степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи диссертационного исследования, формулируются научная новизна результатов и основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Парадигмальные характеристики литературоведческого познания» посвящена разработке теоретико-методологических оснований философско-культурологической интерпретации литературоведческого дискурса и рассмотрению парадигмальных особенностей филологического познания.

В первом параграфе «Соотношение литературоведения и культурологии: предметные и методологические связи» проясняется специфика соотношения культурологии и литературоведения, и тем самым обосновывается философско-культурологический контекст рассмотрения теоретико-методологических проблем современной науки о литературе.

Культурология представляет собой область знания, одна из особенностей которой состоит в заимствовании, интерпретации и интеграции концепций культуры, сформированных в рамках социально-гуманитарного дискурса, философии и литературы. Необходимость упомянутой интеграции обусловлена тем, что сама «культура» обычно понимается как комплексное образование, формирующееся в результате учета всех наличествующих на сегодняшний день культурных областей. При этом конкретные регионы культуры интересуют культурологию прежде всего как символические практики («тексты»), репрезентирующие определенные программы жизнедеятельности, социокультурные смыслы, нормы и ценности.

В контексте данного понимания специфики предмета исследования и, как следствие, интеграции различных (социально-гуманитарных, литературных, философских) представлений о культуре культурологическая

форма научного исследования представляет собой синкретический тип дискурса, содержащий компоненты гетерогенных дискурсивных практик. Сама же возможность столь *широкого* спектра концептуальных ориентаций связана с тем, что рефлексия культуры может осуществляться самой культурой, то есть ее составляющими, среди которых находятся и философия, и литература, и наука. Подобная гиперрефлексивность культуры делает проблематичным научный статус культурологии и напоминает ситуацию интертекстуальности. Эта ассоциация имеет неслучайный характер, в связи с чем обращается внимание на особенности структуры культурологического знания.

Наиболее распространенные взгляды на структуру культурологического знания представлены в работах А. Я. Флиера. Он выделяет в культурологии две формы познания: собственно культурологию (интегративное знание о феномене культуры) и культуроведение (совокупность частных научных дисциплин, изучающих отдельные регионы культуры). Естественно, что в состав культуроведческих дисциплин входит и литературоведение. Однако, по А.Я.Флиеру, к собственно культурологическому дискурсу (в узком смысле) будут относиться лишь те работы, выполненные в рамках культуроведческих дисциплин, в которых культура представлена как целостный и непосредственный предмет исследования, реконструируемый на основании интерпретации вербальных и невербальных «текстов». Эти представления дополняет структура культурологического знания, также предложенная А.Я. Флиером. Ученый выделяет два типа культурологии: фундаментальную и прикладную. Фундаментальная делится на социальную культурологию, психологию культуры и культурную семантику. Особо примечательна последняя. Она занимается изучением культурных объектов с точки зрения выражаемого ими смысла. В соответствии с данной целью эти объекты понимаются как «культурные тексты», то есть знаковые формы/системы. Подобное понимание культуры и способов ее изучения обуславливает необходимость обращения к концепциям знака и знаковой системы, сложившимся в лингвистике, герменевтике, семиотике культуры, литературоведении. Но даже вне контекста культурной семантики культурология понимается многими учеными как дисциплина, специфическим объектом познания которой является текст/семиотический интертекст.

Понимание культуры как совокупности «текстов», репрезентирующих и интерпретирующих культурные нормы и ценности, а также друг друга, прямым образом указывает на феномен, текстуальная сущность которого является несомненной, - литературу. Художественный (литературный) дискурс является самой пластичной формой представления культурных смыслов, как в контексте искусства, так и идеологии. Более того, литература выполняет функцию осмысления наиболее важных социокультурных норм и их трансформаций, а также инкультурации индивида. Таким образом, литература как «культурный текст», изначально обладающий текстуальной и социокультурной сущностью в наиболее интенсивной форме, является одним

из прототипов/образцов специфического объекта культурологического исследования. Литература же, как известно, является специальным предметом изучения такой науки, как литературоведение/филология.

Ранее сказанное заставляет обратиться к собственно литературоведению и его взаимоотношениям с культурологией. Наиболее яркая и в то же время радикальная трактовка соотношения культурологии и литературоведения сложилась в американской методологии гуманитарных наук. В частности, это касается концепции Дж. Каллера. Он считает, что культурология возникла как применение техники литературоведческого анализа к другим культурным объектам, которые рассматриваются при этом как «тексты», подлежащие интерпретации.

Однако в качестве источников культурологии артикулируются не только филология (литературоведение), но и антропология, философия культуры, социология, история. В данном контексте литературоведение не может быть истолковано как единственный источник культурологического дискурса. Однако оно может быть рассмотрено как *один из* прототипов культурологического исследования и как культуроведческая наука, теоретико-методологические проблемы которой являются парадигмальными для современной культурологии (в узком смысле). Прежде всего, это касается самой специфики филологии (*современного* литературоведения) как научной дисциплины. Как отмечает С.С. Аверинцев, филология представляет собой междисциплинарный тип научного исследования, главной задачей которого является изучение духовной культуры посредством анализа художественных текстов. Подобная универсальность классического филологического познания сохранилась в рамках современного литературоведения, которое реактуализирует междисциплинарный характер своего дискурса и тем самым развивает неоклассическое понимание филологии (что позволяет придать терминам «литературоведение» и «филология» квазисинонимическую коннотацию). В этом контексте литературоведение может быть интерпретировано как один из возможных прототипов культурологического исследования, также имеющего междисциплинарную природу, связанную с пониманием феномена культуры как совокупности «культурных текстов».

Ранее отмеченная концепция филологии/литературоведения разделялась многими литературоведами XX века. Более всего это касается ученых, которые акцентировали культурологические потенции литературоведения, способствуя возникновению и развитию культурологии как специальной области научного знания (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев). Эти литературоведы совершили тот теоретико-методологический поворот, который позволяет рассматривать их исследования как (прото)культурологические. Культура в данных исследованиях предстает как специальный предмет реконструкции на основании прочтения художественных текстов. Однако и в других отношениях литературоведение содержит в себе культурологические потенции, что предопределено спецификой самого объекта исследования –

литературы, которая является формой репрезентации социальных, психологических и языковых смыслов, норм и ценностей.

Помимо этого в литературоведении разработаны концептуальные основания семиотики культуры, в рамках которой был конституирован концепт «культурного текста». Также литературоведческие исследования маркированы наличием следующих теоретико-методологических проблем: полипарадигмальность филологического типа научного познания; гетерогенность/«квазинаучность» исследовательского дискурса конкретных литературоведческих направлений, обусловленная наличием разнородных концептуальных и методологических ориентаций литературоведения. Подобные проблемы являются наиболее значимыми и для культурологического знания.

Таким образом, литературоведение является региональной наукой о культуре, послужившей одним из источников/прототипов собственно культурологии и характеризующейся наличием теоретико-методологических проблем, имеющих значимость для современного культурологического дискурса.

Во втором параграфе «Понятие парадигмы литературоведческого исследования» проводится анализ понятия парадигмы научного дискурса, его содержания и методологических функций в областях философии и теоретической лингвистики, и на этой основе разрабатывается парадигмальный подход к пониманию специфики литературоведческого познания.

Понятие парадигмы научного исследования получило широкий резонанс в области философии после выхода в свет книги Т. Куна «Структура научных революций». Однако разнообразие способов его употребления в названной работе привело к дефинитивным проблемам. Это подвигло Куна на экспликацию понятия парадигмы, что он и сделал посредством введения термина «дисциплинарная матрица», перечень компонентов которой включает символические обобщения, квазиметафизические предписания, ценности и конкретные образцы решения задач. Таким образом, философ указал на *многокомпонентный* характер содержания понятия парадигмы.

Однако анализ различных определений понятия парадигмы, существующих в рамках современной философии, позволяет сделать следующие выводы. Исследователи, использующие те или иные дефиниции, не учитывают всей сложности куновского подхода и сталкиваются с такими трудностями: а) парадигма определяется как однокомпонентное образование, что приводит к упрощенному взгляду на специфику и механизм естественного или гуманитарного познания; б) парадигма понимается как многокомпонентное образование, но при этом далеко не всегда отмечаются отличительные признаки компонентов парадигмы, что создает проблемы их выделения и объединения в единое целое; в) даже при указании на многокомпонентный характер содержания понятия парадигмы существует тенденция к выделению главного и второстепенного компонентов, а также

исключению какой-либо из составных частей парадигмы, выделенной Куном; г) в ходе разработки названного понятия отсутствует замечание о необходимости экспликации компонентов парадигмы с учетом специфики тех научных дисциплин, которые должны стать объектом парадигмального анализа.

Данная ситуация инициируется замечаниями самого Куна относительно широкого и узкого понимания парадигмы. Основное затруднение состоит в том, что Кун одновременно следует интерпретации парадигмы как конкретного *образа* исследования и рассматривает ее как многокомпонентное образование. Причина этого затруднения кроется в этимологических штудиях американского философа. Слово «парадигма» ведет свое происхождение от древнегреческого *paradeigma* – образец, и свое наиболее легитимное научное обоснование получило в лингвистике.

Однако анализ содержания понятия парадигмы в дискурсе современной теоретической лингвистики (концепция лингвистического знания Е.С. Кубряковой) позволяет сделать следующие выводы: 1) парадигма – это *многокомпонентное* образование; 2) список компонентов парадигмы может как совпадать с куновским, так и дополняться и варьироваться в зависимости от специфики той или иной области науки; 3) при изменении или варьировании состава парадигмы ее компоненты в любом случае должны комплексно представить основные установки исследования, особенности его предметной области и методологии; 4) каждый компонент должен получить дефинитивную разработку; 5) при конкретном анализе компоненты могут получать различную степень значимости, но в самом определении деление на главные и второстепенные составляющие не должно быть исходной предпосылкой.

Исходя из этих результатов, раскрывается содержание понятия парадигмы литературоведческого исследования. Определение ориентировано на перечень компонентов, предложенный Т. Куном, который дополняется методологией и кругом проблем. Данные компоненты размещаются в такой последовательности: от компонентов онтологического характера (и их оценки) к компонентам методологического, а от них – к практическому решению проблем. Эти три «блока» в своей совокупности и взаимосвязи и обуславливают понимание парадигмы как принятого определенным научным сообществом *многокомпонентного* образования, задающего способ интерпретации объекта исследования и содержащего символические обобщения (схемы), концептуальные модели художественного текста, ценностные ориентации, методологию, круг проблем и классические образцы их решения. Смысловая характеристика этих компонентов, исходя из задачи исследования литературоведческого познания, позволяет раскрыть конститутивные особенности филологического исследования: амбивалентное отношение к возможности формализации литературоведческой теории; применение метафор в качестве одного из средств репрезентации моделей художественного текста; сосуществование гетерогенных ценностных критериев; наличие методологического потенциала терминологического

компонента исследовательского дискурса; использование классических образцов исследования для создания новых литературоведческих концепций. Охарактеризованное подобным образом понятие парадигмы является нормативной базой парадигмального анализа литературоведческого дискурса.

В третьем параграфе «Концептуальные и методологические ориентации литературоведения» посредством артикуляции концептуальных и методологических ориентаций литературоведения создается классификация филологических парадигм, выявляется специфика возникновения, развития и взаимодействия исследовательских подходов филологии и проясняется одна из главных причин существования полипарадигмальной формы литературоведческого дискурса.

Литературоведение находится в сложном взаимодействии с философией, лингвистикой и естествознанием. Особенно отчетливо это взаимодействие проявляется при парадигмальном анализе литературоведческого дискурса. Одним из критериев различения его парадигм становятся концептуальные и методологические ориентации ученых, формирующиеся в виде установок и предпосылок научного исследования: целей работы, особых характеристик предметной области, проблем создания и разработки тех или иных методов. В роли ориентиров выступают: та или иная философская теория, идеалы и нормы лингвистики и естественных наук, уже устоявшиеся литературоведческие школы. Исходя из этого перечня, можно выделить три типа возникновения, развития и взаимодействия литературоведческих парадигм.

Первый тип представляет собой ориентацию на какую-либо философскую теорию, из которой заимствуется онтологическая модель, подвергающаяся переосмыслению посредством включения ее в универсальную для всего литературоведения систему «автор-текст-читатель». Здесь можно выделить следующие филологические парадигмы – герменевтику и деконструктивизм. Данный тип литературоведческого познания характеризуется тем, что имеет прочные теоретические позиции и едва ли может быть в ближайшее время фальсифицирован вследствие наличия философских принципов (неполноты понимания, невозможности создания непротиворечивой интерпретации текста), способствующих перманентной саморефлексии парадигмы. Саморефлексия дополняется фактом взаимной критики герменевтики и деконструктивизма, приводящей к самодеконструкции названных методологических концепций.

Основу второго типа составляет ориентация на концептуальный и методологический идеал естественных наук и лингвистики. К данному типу относится такое научное направление, как структурализм. Особенность этой формы литературоведческого познания заключается в том, что ориентация на концептуальный и методологический идеал естественных наук, впервые реализованный в области лингвистики, и одновременное наличие метафизических обертонів обусловили возможность революционного развития литературоведческой парадигмы. В итоге специфика сменившей

структурализм парадигмы (постструктурализм) состоит в отказе от любых проявлений фундаментализма и в установке на ничем не ограниченную пролиферацию «спекулятивных» теорий, не претендующих на окончательность и общезначимость выводов.

Третий тип представляет собой ориентацию на концептуальные модели и методологию уже существующих литературоведческих парадигм, которые рассматриваются литературоведами в качестве базовых. Его суть заключается в конкретизации тех или иных базовых парадигм, совершающейся путем уточнения и усложнения универсальной схемы «автор-текст-читатель» и связанных с ней концептуальных установок, а также путем комбинаторики при создании методологии анализа художественного текста. К этому типу принадлежат рецептивная эстетика и нарратология. Специфика данной формы литературоведческого познания заключается в том, что парадигмы рецептивной эстетики и нарратологии, выполняя критическую функцию по отношению к базовым филологическим школам и в то же время служа средством преодоления конфликтов между ними, взаимодополняют друг друга по принципу внешней/внутритекстовой прагматики. Это способствует разрушению позиции, разделяющей мнение о несоизмеримости различных литературоведческих школ.

Таким образом, в зависимости от той или иной концептуальной и методологической ориентации, формирующейся в виде установочного звена парадигмы, продуцируются различные типы литературоведческого дискурса. Экспликация данных типов объясняет невозможность обоснования несостоятельности литературоведческих школ вследствие того, что их теоретико-методологические основания репрезентируют принципы и способы перманентной саморефлексии парадигмы. Это касается всех литературоведческих направлений: герменевтики, деконструктивизма, постструктурализма, а также рецептивной эстетики и нарратологии, так как последние возникают и развиваются в результате комбинаторики конститутивных элементов ранее указанных школ. Сами же концептуальные и методологические ориентации литературоведения имеют производный характер, так как порождены наличием проблем соотношения философии, филологии и литературы, научного статуса литературоведения, интерпретации художественного текста.

В четвертом параграфе «Парадигмальный анализ деконструктивистского типа литературоведческого исследования» на материале деконструктивизма строится образец парадигмальной характеристики конкретного филологического направления и таким образом обосновывается эффективность метода парадигмального анализа литературоведческого дискурса.

В качестве философских оснований деконструктивистского литературоведения выступает концепция Ж. Деррида, которая напрямую связана с общезначимой для всех видов филологического исследования системой «автор-текст-читатель». Базовыми и регулятивными принципами этой концепции являются принцип внутренней («имманентной») критики и

принцип незавершенности («безрезультатности») интерпретации текста. Ориентируясь на указанные принципы, Деррида подвергает критическому анализу созданное в рамках семиотической теории понятие знака и, как следствие, понятие текста как знаковой системы. Понятие знака деконструируется следующим образом: означаемое как семиотический коррелят знака элиминируется в качестве внедискурсивного элемента, доступ к которому так или иначе закрыт, но сохраняется как означающее, контекстуально связанное с другими означающими и нетождественное себе в плане генеалогии и графологии, способное быть членом бесчисленных знаковых цепочек, отсылок и замещений.

Следствием этого является концептуальная модель художественного дискурса, специфика которой состоит в том, что текст как знаковая система в силу описанной ранее критики не обладает свойствами референции и мимесиса, репрезентации и объективации, то есть не является целостным и самоотжественным образованием, выражением единого и определенного смысла. Семантика в деконструктивизме детерминируется синтаксисом – нелинейным и непоследовательным отношением знаков, а, точнее, означающих друг к другу. Что касается прагматического аспекта знаковой системы, то текст в деконструктивизме является не выражением/трансляцией авторской идеи, а средством конституирования самого субъекта, его мыслей и чувств.

Перечень методологических правил деконструктивистского анализа художественного текста включает: правило исключения «трансцендирующего» чтения, правило отказа от комментария/удвоения исследуемого текста и правило нелинейного чтения. Основным методом является деконструкция: выявление/прояснение специфики некоторой системы и переосмысление этой же системы исходя из имплицитно присущих ей противоречий/маргинальных элементов. В конечном итоге учет этих «смысловых неразрешимостей» приводит как к смысловой неразрешимости всей системы в целом, так и исследовательского дискурса. Но при этом выявляются термы, конструкции, композиционные приемы, риторические фигуры, бинарные и тернарные оппозиции, приводящие к подобной амбивалентности дискурса, но не с целью их последующего избегания/исключения, а с целью как можно более строгого описания специфики литературного языка. Вследствие этого метаязык исследовательской парадигмы деконструктивизма не уподобляется метаязыку лингвистики или семиотики, а представляет собой сочетание точной литературоведческой терминологии и амбивалентной метафорики, характерной для художественного дискурса.

Таким образом, деконструктивистское литературоведение представляет собой экспериментальный тип научного дискурса, не отражающего, а производящего новые смыслы путем пере-читывания уже написанных текстов и раскрывающего этим сам процесс смыслопорождения и природу литературного творчества.

Во второй главе «Фундаментальные проблемы литературоведения и способы их решения» артикулируются наиболее значимые проблемы литературоведения и формы их решения, что способствует пониманию полипарадигмальной природы филологического познания.

В первом параграфе «Соотношение философии, филологии и литературы: формирование саморефлексивности литературоведческого дискурса» рассматриваются проблема соотношения философии, филологии и литературы и основной способ ее решения.

Проблемное соотношение философии, филологии и литературы, исторически и концептуально обоснованное частичным совпадением их риторической и структурной организации, служит условием взаимообратимой деконструкции названных ранее дискурсивных форм. В ходе выявления особенностей указанного соотношения, что является насущной задачей каждого из трех типов дискурса, возникает особая методологическая композиция.

Дискурс А, подвергающий концептуальному анализу родственный ему дискурс В, раскрывает дискретность и гетерогенность его формы, что, как правило, приводит к ответному критическому выпадку со стороны последнего при параллельной (имплицитной/эксплицитной) тематизации проекта разработки исследования, направленного на прояснение специфики природы собственного дискурса с учетом замечаний оппонента. Иными словами, главная особенность соотношения философии, филологии и литературы заключается не столько в их конфликтном полилоге или взаимодополнительности (в разных контекстах), сколько в изменении степени и характера рефлексивности дискурса, то есть конституировании когнитивных актов, имеющих саморефлексивную направленность.

Так, критика философии со стороны филологии и литературы приводит к процессу рефлексии со стороны философии собственных связей с литературоведением и художественным дискурсом, что совпадает с формированием корпуса исследований, условно называемых метафилософскими. Причем акцент на проблеме наличия литературного компонента в рамках философского текста, отчасти инспирированный филологами, не может быть обоснован в качестве главного предмета этих исследований, но отсутствие должного внимания к названной проблеме способно превратить ее в основной вопрос философии.

Писатели, рефлексирющие над особенностями языка всей предшествовавшей им литературы и проясняющие связи художественного и философского дискурсов, осознают необходимость создания некоего саморефлексивного художественного текста, структурно совпадающего с экспериментами современных мыслителей. Естественно это не означает, что в рамках художественной литературы возникает возможность конструирования некоего метаязыка, аналогичного языкам семиотики, логики или той же филологии. Но, тем не менее, подобная практика дает релевантные для истории литературы результаты – возникновение нового стиля/направления, номинированного как «металитература»; артикуляция

квазифилософских элементов художественного дискурса. Немаловажно, что данные процессы во многом обусловлены философскими интерпретациями литературных произведений.

В этом контексте филология не является исключением, так как литературоведы используют терминологический словарь западноевропейской философии, а также основывают свои теоретико-методологические положения на мировоззренческих и идеологических постулатах последней. Параллельно филологи проявляют и критикуют стилистическую природу философского дискурса. При этом литературоведение не только указывает философии на ее риторические заблуждения, но и связывает их со спецификой собственного *научного* дискурса, то есть обращает свои выводы против себя и становится на путь метафилологического исследования.

Во втором параграфе «Научный статус литературоведения: интерактивная коммуникация исследовательских парадигм и вторичный методологический контроль» исследуются проблема научного статуса литературоведения и основные способы ее решения.

В своих теориях филологи конституируют различные подходы к пониманию научного статуса литературоведения. Эти подходы можно редуцировать к двум диаметрально противоположным концепциям: 1) теоретико-методологические нормы литературоведческого познания изоморфны общепринятой интерпретации научной рациональности (структурализм, рецептивная эстетика, нарратология); 2) литературоведение - специфическая дисциплина, руководствующаяся иными, нежели принято в естественнонаучной среде, критериями научности исследовательского дискурса (герменевтика, деконструктивизм, постструктурализм).

Отправляясь от осознания проблемы соотношения философии, литературы и филологии, литературоведы, придерживающиеся первой концепции, приходят к необходимости трансформации метаязыка литературоведческого исследования (семиотический проект). В свою очередь, это приводит к возникновению неоклассической филологии в форме объединения научных дискурсов литературоведения и лингвистики. Однако данный процесс проходит стадию вторичного методологического контроля со стороны литературоведческих парадигм герменевтики, деконструктивизма и постструктурализма, имеющих философскую, но филологически интерпретированную, аранжировку. Этот контроль, заданный ироническим отношением к семиотическому проекту, приводит к радикальному переосмыслению принципов организации метаязыка классической риторики и лингво-литературоведения (эссензация дискурса), заостря внимание на исследовании амбивалентных элементов художественного текста. Результаты подобного переосмысления заставляют литературоведов *всех* направляемый уточнять и видоизменять свои теоретические постулаты. В итоге складывается ситуация, коррелирующая с интердискурсивной структурой, рассмотренной в предыдущем параграфе.

Позиции рассматриваемых филологических школ указывают также на возможность взаимодополнительности концепций научного статуса литературоведения. Первая концепция легитимирует литературоведение как точную науку, которая, таким образом, дает знание о *константах* художественного текста. Вторая рассматривает литературоведение как критический дискурс, конституирующий амбивалентные/полисемантические интерпретации литературного произведения и параллельно объясняющий, почему интерпретация не может быть иной. Этот тип филологического исследования продуцирует знание о *динамике* текста, его трудно поддающихся категоризации элементах, наличие которых, тем не менее, производит один из главных художественных эффектов. В итоге возникает возможность комплексного представления о литературе как форме дискурса, построенного на сочетании динамических и константных лингвориторических конструкций.

Полученные результаты заставляют обратиться к рассмотрению дисциплинарной структуры литературоведения, которая включает теорию литературы, историю литературы, «вспомогательные» дисциплины и литературную критику. Особо важным является соотношение литературно-критического дискурса и теории литературы. Здесь вновь артикулируются форма взаимообратимого переосмысления концептуальных оснований научного дискурса и акты вторичного методологического контроля.

Таким образом, научный статус литературоведения проясняется в ходе повторной рефлексии уже легитимированных теоретико-методологических постулатов и интерактивной коммуникации литературоведческих парадигм/дисциплин.

Артикуляция специфики научного статуса литературоведения в рамках *самой* филологии не влечет с необходимостью возникновения некой универсальной метапарадигмы филологического познания. Литературоведческие парадигмы не являются абсолютно несовместимыми типами научной рациональности. То, что позволяет им оппонировать друг другу, проявлять критический пафос – это наличие общих и пока не решенных фундаментальных проблем. В этом отношении само существование множества «конкурирующих» филологических парадигм является условием статуса литературоведения как подлинно научного (рационального) проекта.

В третьем параграфе «Интерпретация художественного текста: пролиферация и взаимодополнительность литературоведческих парадигм» изучаются проблема интерпретации художественного произведения и возможные способы ее решения.

Формальная организация смысла литературного произведения требует *активного* интерпретативного усилия в процессе его рецепции. Автор не просто сообщает читателю некую идею, но создает специфическую формальную конструкцию, смысл которой не может быть однозначно воспринят, но должен быть прояснен в ходе тщательного анализа *фигуральных* структур. В этом отношении художественный текст

представляет собой суггестивную форму дискурса, генерирующую возможность потенциально бесконечного увеличения количества смысловых конфигураций и способов их прояснения.

В связи со спецификой формальной организации художественного текста все парадигмальные интерпретации носят равноправный характер; соответственно, литературоведческий дискурс имеет (должен иметь) множество форм организации высказывания. Однако эти формы находятся в отношении своеобразной взаимосвязи, что и позволяет называть их «литературоведческими». Связи между парадигмами носят характер диалога, конфликта, заимствования и переосмысления теоретико-методологических постулатов. Возможность подобных связей во многом обусловлена не только наличием общих объекта исследования и концептуальных ориентаций, но и присутствием одних и тех же фундаментальных проблем.

В этой связи актуализируется проблема релевантности и легитимности филологических моделей интерпретации художественного текста. В парадигмальной литературоведческой интерпретации артикулируются: специфические формальные компоненты литературного произведения; предметная область («внешнего»/«внутреннего» характера), на которую должны быть апплицированы формальные элементы текста; способ апплицирования; теоретическая модель художественного текста, объясняющая природу изучаемого объекта. Количество подобных комплексов велико. В этом случае релевантность литературоведческого истолкования состоит в рационально обоснованной новизне какого-либо из ранее отмеченных компонентов интерпретативного дискурса (что влечет за собой переосмысление всех остальных составляющих) или в их дополнительном уточнении. Однако о самой релевантности интерпретации можно вести речь лишь при наличии *всех* компонентов дискурса. Таким образом, для науки о литературе будет релевантной не любая *оригинальная* трактовка, но лишь уточняющая/новая интерпретация, включающая теоретико-методологический компонент рационального характера. Литературоведческие модели истолкования художественного текста легитимируются на основе «открытой систематики» специфического типа. Они получают первоначальную легитимацию через обоснование новизны компонентов интерпретативного дискурса и признание этого обоснования в рамках научного сообщества. Затем модели интерпретации сохраняют легитимность посредством перманентной самоэкспликации и переосмысления теоретико-методологических оснований своего дискурса.

Полученные результаты заставляют обратиться к вопросам об условиях согласования различных истолкований одного и того же литературного произведения и о специфике сосуществования и пролиферации гетерогенных литературоведческих моделей интерпретации художественного текста. В этой связи отмечается, что конкретная исследовательская парадигма обеспечивает теоретическое объяснение природы определенного класса художественных произведений. Однако литературоведы, отправляясь от интерпретации художественных текстов

определенного типа, экстраполируют свои модели истолкования и на другие группы литературных произведений. В этом смысле филологи акцентируют отдельные специфические аспекты художественного дискурса как общего объекта литературоведения. В отношении истолкования конкретного художественного текста это означает, что все интерпретации равноправны, так как они акцентируют различные аспекты литературного произведения. Отсюда проистекает решение вопроса о согласовании множества истолкований одного и того же текста. Это согласование принимает форму *взаимодополнительности* интерпретаций.

Также устанавливается, что художественный дискурс как общий объект филологического исследования не является для литературоведа наличной данностью. Скорее, он предстает лишь в форме проекта/наброска, постоянно уточняющегося с ростом литературных направлений и их последующей литературоведческой рефлексией в рамках исследовательских парадигм, соответствующих природе этих направлений. *Уточнение* возможно благодаря взаимодействию парадигм, обусловленному «имманентными» причинами, а также символической формой художественных текстов. Это взаимодействие приводит, с одной стороны, к объединению усилий в отношении конституирования природы художественного дискурса, а, с другой, - к взаимообратимой критике, способствующей экспликации той или иной парадигмы. Ранее описанный процесс находится в состоянии перманентной актуализации. Специфика этого процесса указывает на решение вопроса об ограничениях, налагаемых на полисемантизм художественного текста и пролиферацию моделей истолкования литературного произведения. С одной стороны, подобные ограничения желательно установить, но, с другой, - возможности для такого установления отсутствуют. Литература является изменяющимся объектом. Это изменение имеет следующий характер: рост новых литературных направлений; интертекстуальное взаимодействие различных литературных практик как друг с другом, так и с другими типами дискурсов. В этом отношении полисемантизм художественного текста будет только возрастать, как и количество моделей интерпретации. В подобной ситуации единственный выход – это рациональное обоснование литературоведом новой методологической концепции.

В заключении подводятся итоги работы и определяются перспективы философско-культурологической интерпретации теоретико-методологических проблем современного литературоведения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в журналах из списка ВАК

1. Манохин, Д.К. Парадигма деконструктивизма: философско-методологический анализ / Д.К. Манохин, Е.А. Кротков // *Общественные науки и современность*. – 2006. - № 2. (0,5/0,5п.л.)

Статьи и материалы докладов

2. Манохин, Д.К. Проект деконструкции (опыт прочтения Ж. Деррида) / Д.К. Манохин, Н.П. Невзорова // Сборник студенческих научных работ. Вып. VI. Ч. II. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. (0,3/0,1 п. л.).

3. Манохин, Д.К. Понятие парадигмы научно-филологического исследования / Д.К. Манохин // Творческое наследие Н.Н. Страхова и современная социально-гуманитарная мысль: Сборник материалов всероссийской научной конференции. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. (0,3 п.л.).

4. Манохин, Д.К. О концептуальных и методологических ориентациях филологических наук / Д.К. Манохин // Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества: Сб. материалов региональной научной конференции. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. (0,7 п.л.).

5. Манохин, Д.К. О методологии деконструктивистской парадигмы научно-филологического исследования / Д.К. Манохин // Культурно-цивилизационные проблемы развития современного российского общества: Сб. материалов ежегодной всероссийской научной конференции. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. (0,4 п.л.).

6. Манохин, Д.К. Философско-методологический анализ филологического дискурса / Д.К. Манохин, Е.А. Кротков // Научные ведомости БелГУ. - 2006. - №1 (29). - Вып. 1. (0,8/0,8 п.л.).

Подписано в печать 26.10.2006.
Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 177.
Издательство Белгородского государственного университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

102 ✓